

Дворецкий вошел в гостиную, чтобы передать горячее какао Эрике и Монике, когда он увидел эмоциональную сцену, которая происходила. Моника увидела дворецкого, взяла какао и поблагодарила его. Он ушел, чтобы приготовить им ужин.

После эмоционального сближения и обсуждения тех мелочей, которые они могли обсудить на данный момент, Эрика пошла в свою спальню.

Она была светло-розовой с кроватью принцессы в центре. Очень большой портрет ее самой висел наверху кровати. Это была фотография с ее дня рождения, когда ей исполнилось 22 года, в тот же год, когда она вышла замуж за Адриана.

Она была тогда такой молодой и доверчивой. Она уставилась на фотографию и вздохнула. Затем она перешла к своему гардеробу, вся ее одежда была еще цела, вместе с обувью и сумками. Ее мать, София, всегда следила за тем, чтобы слуги убирали комнату каждый день.

Посмотрев на все в своей комнате еще немного, она пошла принимать ванну. К тому времени, как она закончила собираться, подали ужин. Когда она спустилась вниз, она услышала голоса брата и быстро побежала вниз, чтобы обнять его.

Ее старший брат Феликс сидел слева от отца. Он, кажется, только что вернулся с работы, потому что он все еще был в деловом костюме. Она крепко обняла его и позвала "Феликс!!!!".

Феликс почувствовал, что его душат, и попытался освободить ее руки, но не смог. Он задался вопросом: «Откуда у нее столько сил?»

Он сказал: «Ты меня душишь». Только тогда она поняла, что обнимает его слишком крепко.

«Ой, извини. Я просто увлеклась. Боже мой, я так скучала по тебе, Феликс», — сказала она.

«Кхе-кхе, это Феликс, которого вы видите только на этом столе, юная леди? Я имею в виду, привет? Я тоже здесь, вы знаете? В последний раз, когда я проверял, я все еще был виден».

Человек, который только что говорил, был ее вторым братом, Даниэлем. Сказав это, Эрика быстро подошла к нему и крепко обняла его, и он почувствовал то же самое, почувствовал Феликс, задохнулся.

Эрика сказала: «Я так скучала по тебе, Дэниел».

Дэниел ответил: «Я тоже скучал по тебе». Хотя он чувствовал, что не может дышать, он терпел, пока Эрика не отпустила его.

«Ты никого не забыла?» Последним, кто заговорил, был ее третий брат, Майкл.

Она тоже подбежала к нему и обняла его так крепко, как только могла: «Как я могу забыть тебя, Майкл?» Майкл задохнулся и посмотрел на других своих братьев и тоже задался тем же вопросом: «Как она может быть такой сильной?».

Она отпустила его и пошла сесть рядом с Моникой, которая наблюдала за воссоединением братьев и сестры. Блюда уже стояли на огромном столе, и все начали есть.

Они все болтали и поддразнивали друг друга. Никто не поднимал тему, что заставило Эрику вернуться домой, поскольку это была деликатная тема, но ее братья позаботились о том, чтобы ее нельзя было отследить.

Они были совершенно счастливой семьей, просто ужинали вместе, чего я не могу сказать о Хартах.

Обеденный стол был таким мрачным. Как будто все были заперты в клетке, и любой шум или звук мог взорвать их. Адам был недоволен, потому что потерял инвесторов, которые считали, что он недостаточно достоин, и был просто высокомерен.

Мэри была зла, потому что она потеряла лицо в кругу общества сегодня. Люди смеялись над ней, потому что она завидовала своей бывшей невестке, у которой есть черная карта, а у нее нет.

Адрейн был зол из-за последнего звонка Эрике. Она звучала так высокомерно, но по неизвестной причине он все еще хотел поговорить с ней снова.

Он звонил ей и писал ей смс, но ничего, он даже просил людей проверить ее местонахождение, но ничего не вышло. Как будто она исчезла после предыдущего дня.

Бабушка Элизабет наблюдала за всеми ними и знала, что мысли бродят в их головах. Она сказала: «Кто это сделал? На вкус оно такое пресное». И тут же подошла служанка и сказала, что это она.

«Ты хоть потрудились добавить сюда соли? Пока Эрика была здесь, еда была такой вкусной. Ты что, забыла свою работу с тех пор, как Эрика переехала сюда с нами, а?» Ее слова вырвали других из раздумий и заставили их уставиться на нее.

Горничная испугалась, что ее уволят с работы, поэтому она быстро извинилась и вернулась, чтобы приготовить еще один.

Мэри сказала: «Мама, еда намного вкуснее, чем та, которую готовит Эрика». Она не знала, почему эта старушка так одержима Эрикой. Эрика то, Эрика сё. У неё начинали болеть барабанные перепонки.

Бабушка Элизабет возразила: «Это говорит тот, кто не может даже вскипятить кастрюлю воды».

Мэри почувствовала себя оскорбленной, но ничего не ответила. Бабушка тоже ничего ей не сказала и повернулась к Адрейну: «Ты уже слышал что-нибудь от Эрики? Прошло два дня, а она мне не звонила».

Мэри почувствовала, что это шанс разрушить образ Эрики в сердце матриарха. «Может быть, она не заботится о тебе и просто притворяется матерью, и к тому же она шлюха, помнишь, она, должно быть, увидела другого богатого мужчину, чтобы поймать его, и забыла о тебе и...»

Она не успела закончить предложение, и бабушка Элизабет прервала ее: «Я тебя спрашивала? Почему ты продолжаешь думать, что все такие, как ты? И что они использовали тот же метод, что и ты, чтобы попасть в эту семью. Не думай, что я забыла, я, может, и старая, но память у меня еще цела. Держи рот на замке, если ты не слышала, как я упоминала твое имя в каком-либо разговоре». Она строго сказала.

<http://tl.rulate.ru/book/121153/5051032>